

ИСТОРИКИ-«РЕВИЗИОНИСТЫ» О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

О. Л. Степанова

В последние годы на авансцену американской исторической науки выдвинулось «ревизионистское направление». Хотя оно, вероятно, за неимением лучшего носит название, уже известное в американской историографии, и сам феномен — пересмотр установившихся концепций — на первый взгляд не нов, современные «ревизионисты» не имеют предшественников в буржуазной историографии как по силе своей критики, так и по активности, с которой они вторгаются в политическую жизнь. Они приковали к себе особое внимание тем, что посягнули на доселе «незыблемые» доктрины внешней политики США, которые Вашингтон считал святыней. Американская молодежь, «новые левые» нередко обращаются к работам «ревизионистов», черпая в них нужную аргументацию, люди, возмущенные господством в стране военно-промышленного комплекса, знакомясь с трудами историков этого направления, лучше понимают, как Соединенные Штаты оказались в таком положении.

Говоря о значении «ревизионистов» в современной американской историографии, Г. Аптекер отметил «возрастание числа исторических трудов, в которых ставятся под сомнение основные мифы касательно дипломатической истории холодной войны». К настоящему времени, подчеркивал он, «ревизионистских» книг, освещающих эту сферу, так много, что им необходимо посвятить специальное исследование¹. Попытки пересмотреть установившиеся догмы и выводы официальная буржуазная историография США встретила в штыки. Страстность контратаки вызывалась тем, что «ревизионисты» размывали идеологическое обоснование той внешней политики, которую Вашингтон в недавние годы стремился представить как бесспорное.

Еще в 1967 г. известный американский историк А. Шлезингер, усмотрев опасность в разысканиях этих историков, счел необходимым посвятить их работам большую статью в журнале «Foreign Affairs»², которая и была принята за основу оценки нового направления официальной историографией. Шлезингер, естественно, пытался доказать, что критиковать, собственно, нечего — все в действиях Вашингтона в послевоенный период якобы правильно. Эта точка зрения, выраженная с различной степенью остроты, получила распространение среди тех, кто был ответствен за внешнеполитический курс США. Бывший посол США в Москве С. Колер, например, оценил деятельность «ревизионистов» чуть ли не как подрывную³. Это, конечно, чересчур далеко идущие выводы из оценок Шлезингера, который как-то заметил: «Тот факт, что в некоторых отношениях тезисы ревизионистов развиваются параллельно официаль-

¹ H. Aptheker. Cold War Liars and New Historians. «Political Affairs», 1971, № 8, pp. 94, 91.

² A. Schlesinger. Jr. Origins of the Cold War. «Foreign Affairs», 1967, October.

³ См. F. Coahler. Understanding the Russians. N. Y. 1970, pp. 103—105.

ной советской аргументации, не должен, конечно, препятствовать рассмотрению их доктрин по существу, а также поднимать вопрос о мотивах их авторов, ибо все они, насколько мне известно, независимо мыслящие ученые»⁴. А. Гарриман, в свою очередь, ограничился заявлением: «Есть группа историков, которая ныне пытается переписать историю тех лет (генезиса «холодной войны»).— О. С.). Артур Шлезингер указал, что попытки переписывать историю часто случались в прошлом. Ревизионисты создают мифы о том, что произошло и каковы были наши цели. Некоторые из них вырывают факты из контекста и стремятся обосновывать вообразимые цели»⁵. «Это — бесполезное занятие»,— повторил А. Гарриман в другом случае⁶.

Тем не менее в США все больше говорят о «ревизионистах», причем тональность оценок даже тех, кто не согласен с ними, меняется буквально на глазах. В начале 1968 г. еженедельник «The Time» в обзорной статье, посвященной этому течению, писал: «Самой спорной среди ревизионистских интерпретаций является их трактовка американской внешней политики. Соединенные Штаты, утверждают ревизионисты, были империалистическим агрессором, в то время как Советский Союз рассматривается как страна, проводившая в основном осторожную и реалистическую политику». Еженедельник, естественно, не согласился с такой оценкой американско-советских отношений и выразил надежду, что историки образумятся, ибо, по мнению редакции, «история слишком богата и разнообразна, чтобы раскрывать свои тайны только одному направлению. Ревизионисты, которые выживают в этой профессии, в конечном итоге будут прежде всего историками и только потом ревизионистами»⁷.

Прошло около четырех лет, и осенью 1971 г. заголовок над большой статьей в «The Wall-Street Journal» оповестил читателей: «Взгляд назад. Число последователей радикальных историков растет». В статье говорилось: «В учебниках истории для средних школ и колледжей на каждый правильный ответ приходится дюжина неправильных, которые обманывают американцев. По крайней мере так утверждает группа левых историков, влияние которых все возрастает. Они бросают вызов традиционным представлениям о прошлом страны... Хотя многие историки не соглашаются с радикалами, значительное число американцев прислушивается к ним, и радикальные ученые оказывают влияние на некоторых американцев, побуждая их изменить представление о своей стране и ее историческом руководстве... По мнению радикалов, американская дипломатия в XX столетии играла контрреволюционную роль... Эти историки указывают, что ради постоянного расширения рынков и получения доступа к источникам сырья американский капитализм распространил свои интересы практически на весь мир. Они считают, что существование дипломатии доллара состояло в том, чтобы обеспечить зарубежные инвестиции США и расширить их политическое влияние. Холодная война с Россией и нынешняя горячая война во Вьетнаме являются не чем иным, как последними фазами этой дипломатии». Изложив таким образом в самой общей форме тезисы «ревизионистов», газета констатировала, что их влияние растет не только в сфере идей, но и в традиционно консервативной Американской исторической ассоциации и что их все чаще видят в университетских городках. «Хотя только немногие из них преподают на Западе или Юге, почти каждый крупный университет

⁴ A. Schlesinger, Jr. The Crisis of Confidence. «Ideas, Power and Violence in America». Boston. 1969, p. 103.

⁵ A. Harriman. America and Russia in a Changing World. A Half-Century of Personal Observations. N. Y. 1971, p. 70.

⁶ «Jalta Conference. 25 Years ago in a Memory, not «Myth» to Harriman and Bohlew». «The New York Times», 8.II.1970.

⁷ «Revisionism: A New Angry Look at the American Past». «The Time», 16.II.1968, p. 17.

на Среднем Западе и Северо-Востоке имеет по крайней мере одного, постоянно работающего радикального историка»⁸.

Итак, довольно быстро развился и завершился любопытный процесс: новая школа в американской исторической науке, начавшая жизнь как еретическая, стала влиятельным направлением в буржуазной историографии США. «Ревизионисты» появились как ответ на настоятельную потребность американской внешней политики, приступившей к переоценке отживших представлений в условиях резко возросших для США трудностей на международной арене. В результате их работы оказались в русле новейших тенденций внешнеполитической стратегии Вашингтона. Недавние диссиденты превратились в служителей «истзблшмента», ибо они открыли глаза на очевидное — Соединенные Штаты должны научиться «жить по средствам», не истощать себя впредь «чрезмерными обязательствами».

Иной подход историков «ревизионистского» направления обнаруживается практически по отношению ко всем основным аспектам новой и новейшей истории США, включая колониальный период, войну за независимость, рабство, гражданскую войну и «реконструкцию», «прогрессивную эру» (Т. Рузвельт), «новый курс» и многое другое. По всем этим проблемам они выносят свои суждения, клонящиеся к тому, что теория «консенсуса» (классового согласия) сознательно приглушает остроту социальных конфликтов в американской истории, скрывает тот факт, что реальные интересы крупного капитала определяли как политический климат внутри страны, так и политику Вашингтона за рубежом. В связи с этим историки-«ревизионисты» уделяют самое пристальное внимание американо-советским отношениям.

Основателем «ревизионистского» направления можно с достаточным основанием считать проф. В. А. Вильямса, который впервые сформулировал соответствующие тезисы в книге «Американо-русские отношения 1781—1947», появившейся еще в 1952 г., а в более развернутом виде — в книге «Трагедия американской дипломатии» (вышедшей в свет в 1959 г.; дополненное издание — 1962 г.)⁹. По единодушному мнению американских историков, Вильямс ныне «основной ученый и публицист «новых левых»¹⁰. Насчет «новых левых» это утверждение спорно, но можно согласиться со следующим высказыванием журнала «Saturday Review»: если «раньше только марксисты подчеркивали империалистический характер американской внешней политики, указывая, что корни ее таятся в капитализме», то «теперь американский историк, немарксист, выдвигает хорошо документированную аргументацию о том, что американская внешняя политика в теории и на практике была империалистической, начиная с американской революции»¹¹. В самом сжатом виде тезисы Вильямса, касающиеся американо-советских отношений, сводятся к следующему: «Американские политики стремились навязать послевоенному миру их собственные планы мира и процветания. Американская политика открытых дверей, доказывает он, представляла собой прямую угрозу безопасности России... Вильямс отрицает, что Россия представляла собой военную угрозу для США или Западной Европы... Книга «Трагедия американской дипломатии», часто игнорировавшаяся и отвергавшаяся, в последние несколько лет завоевала большое уважение, особенно когда крах либерализма и катастрофическая война во Вьетнаме заставили многих американцев пересмотреть свое отношение к «холодной войне». Под влиянием этих событий ученые и другие политики начинают

⁸ «The Wall-Street Journal», 19.X.1971. См. также: «Вопросы истории», 1972, № 6, стр. 177—179.

⁹ W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947. N. Y. 1952; e j u s d. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y. 1959, 1962.

¹⁰ «World Affairs», 1970, June, p. 89.

¹¹ «Saturday Review», 1970, February, p. 40.

сомневаться в правильности антикоммунизма, в том, как используется на деле национальная мощь, ставят под вопрос самое веру в национальную добродетель. Они указывают на значение идеологии, а некоторые подчеркивают взаимоотношение между идеологией, политической экономией и внешней политикой. Вильямс в большей степени, чем кто-либо другой, определил эти проблемы и проложил путь для многих, кто последовал по его стопам»¹².

Среди них были ученики Вильямса Л. Гарднер, Г. Алпровиц, В. Лафебер, его коллеги Д. Флемминг, Г. Колко и ряд других. Вильямса можно назвать основоположником той философии истории, которой придерживаются историки-«ревизионисты». Если другие ученые этого направления в основном эмпирики, то Вильямс не только обращается к фактам, но и предлагает опеределенные концепции. Он сам признает, что понял важность теоретического анализа не сразу, а подошел к этому лишь проведя основательную работу по собиранию и изучению фактов. Своей последней большой работе «Генезис современной американской империи. Исследование роста и становления социального сознания в обществе, ориентированном на рынок» Вильямс предпослал предисловие, в котором указывает на важность изучения истории для понимания проблем сегодняшнего дня. Он, в частности, замечает, что когда на рубеже 40—50-х годов взялся за изучение животрепещущей темы американо-советских отношений и написал свою первую книгу, то пришел к выводу, что для понимания этой проблемы необходимо выяснить более ранние тенденции американской внешней политики.

Стоило Вильямсу в своих исследованиях дойти до конца XIX в., как он столкнулся с концепциями Ф. Тернера и его многочисленных интерпретаторов. В то время как большинство историков признавало основным вкладом Тернера в американскую историографию его теорию «границы» как того района, где якобы сформировались демократические институты страны, Вильямс обратил внимание на другую сторону концепции этого историка: «Ни один крупный историк до 1893 г. не ставил экспансию в центр объяснения и интерпретации американской истории, а Фредерик Джэксон Тернер доказал, что экспансия была ключевым фактором, объясняющим процветание, демократию и вообще благосостояние в Америке»¹³. Не случайно, замечал Вильямс, эту сторону аргументации Тернера разделяли такие люди, как Б. Адамс, Т. Рузвельт, В. Вильсон. Более того, для двух последних концепции Тернера, по сути, оказались руководством к действию. «Очень быстро,— пишет Вильямс,— стало очевидным, что Адамс, Рузвельт и Вильсон применили к проблемам американской дипломатии в конце XIX и начале XX столетия тезис о продвижении границы. Они рассматривали отношения Америки с остальным миром, исходя из постоянной необходимости проводить экономию для поддержания динамического соответствия между экспансией, процветанием, демократией, благополучием (и порядком) внутри страны... По их мнению, новая граница возникнет в результате непрерывного расширения американского рынка, и они формулировали свою внешнюю политику таким образом, чтобы создать движение, обладающее необходимой силой для достижения этой главной цели»¹⁴. По мнению Вильямса, сказанное можно отнести и к современной внешней политике США.

Окончательное формирование основ экспансионистской идеологии США Вильямс относит к периоду 1860—1893 гг., хотя и отмечает, что она возникла значительно раньше. «Постепенно в ходе напряженной научно-исследовательской работы,— пишет он,— я понял... что многие амери-

¹² «Politics and Policies in the Truman Administration». Ed. with an Introduction by B. Bernstein. Chicago. 1970, pp. 4—5.

¹³ W. Williams. The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. N. Y. 1969, p. XII.

¹⁴ Ibid., p. XIV.

канцы размышляли и действовали в соответствии с основной идеей тезиса Тернера о границе задолго до рождения самого Тернера»¹⁵. Иными словами, экспансионизм предстает со страниц работ Вильямса как неотъемлемая черта внешней политики США с момента их возникновения. Основной свой вывод он формулирует так: «Экспансионистское мировоззрение, которое разделяли и в соответствии с которым действовали американские лидеры во время и после 90-х годов XIX столетия, в действительности было кристаллизацией в индустриальную эру тех взглядов, которые были сформулированы в аграрных терминах аграрным большинством страны в период с 1860 по 1893 год»¹⁶.

Отсюда Вильямс выводит истоки политики США в отношении Советской страны начиная с Великой Октябрьской социалистической революции. Оценивая внешнеполитический курс США по отношению к Советской России в годы гражданской войны, Вильямс отмечал: «Политика, в конечном счете сформулированная Вашингтоном, частично основывалась на посылке, что Ленин чудодейственным образом исчезнет, а Советское правительство падет, ибо ему суждено пасть... Краеугольными камнями этой политики были: 1) пока большевики находятся у власти, Соединенным Штатам следует отказываться от установления нормальных отношений с ними и ни при каких обстоятельствах не признавать правительства Ленина; 2) Вашингтон сделает все, что в его силах, чтобы помочь серьезному и консервативному лидеру или группе, стремящимся уничтожить Советское правительство»¹⁷. Говоря о мотивах участия США в антисоветской интервенции, Вильямс специально подчеркивал ее антикоммунистический характер: «В общем отношении Вильсона к большевикам не требует особых пояснений. Оно было враждебным... Интервенция как сознательная антибольшевистская акция была для американских руководителей решенным делом уже через пять недель после прихода большевиков к власти... Решение об интервенции было продиктовано их враждой к радикальной природе большевистской революции. Иными словами, их стратегия была контрреволюционной»¹⁸.

Не секрет, что интерес к политике Вильсона характерен для современной американской политической мысли уже с конца 50-х годов. «Ревизионисты» были одними из первых, кто экстраполировал идеи и политическую философию Вильсона на весь последующий период истории американской внешней политики. Любопытно, что оценки и выводы, сформулированные В. Вильямсом в «Трагедии американской дипломатии» в 1959 г. и считавшиеся тогда «озарением», подтвердила новейшая историография США. Так, Н. Левин писал в 1968 г.: «Вильсонизм сформулировал американские национальные интересы в либерально-интернационалистических терминах, как ответ на две доминирующие силы времени — войну и революцию»¹⁹. Именно таким образом квалифицируют внешнеполитические концепции Вильсона «ревизионисты» с легкой руки Вильямса.

В этом свете и рассматривается «ревизионистами» внешняя политика США вплоть до сегодняшнего дня. Излагая их аргументацию, автор специальной работы об этой школе Р. Такер указывает: «Цели Вильсона... продолжали выражать суть американской внешней политики. Имея в виду эти цели, изоляционизм в послевоенный период с точки зрения радикальной историографии, — миф... Отказ вступать в союзы отнюдь не означал нежелание проводить совместную политику с главными про-

¹⁵ Ibid., p. XVI.

¹⁶ Ibid., p. XVII.

¹⁷ W. Williams. American-Russian Relations 1781—1947, p. 105.

¹⁸ В. Вильямс. Американская интервенция в России. «История СССР», 1964, № 4, стр. 173, 177.

¹⁹ N. Levin. Woodrow Wilson and World Politics: America's Response to War and Revolution. N. Y. 1968, p. 2; см. также A. Mayer. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. N. Y. 1968.

мышленными державами в целях сдерживания Советского Союза и революционных движений вообще... Те же цели определяли действия американской дипломатии во время и после второй мировой войны. Военный и непосредственно послевоенный период не изменили экспансионистской политики, которую Соединенные Штаты проводили в течение десятилетий... Для радикального историка, следовательно, генезис холодной войны ясен. Учитывая неизменно наступательный характер американской внешней политики, конфликт с Советским Союзом был неизбежен»²⁰.

Объяснение причин возникновения «холодной войны», которое дают «ревизионисты», сомнений не вызывает, хотя формулируются эти выводы с различной степенью определенности. Ученик В. Вильямса В. Лафебер, например, смазывает их остроту по сравнению со своим наставником²¹. С другой стороны, весьма влиятельный «ревизионист» Г. Колко, профессор университета Йорка в Торонто, занимает более решительную позицию, чем В. Вильямс. По его мнению, стремление воплотить в жизнь во всем объеме доктрины Вильсона, равнозначные мировому господству США, привело к колоссальному разрыву между целями и возможностями этого государства. В результате Америка попала в крайне неловкое, больше того, опасное положение, США выступили «против Советского Союза, против нарастающего левого движения и против Британии как равноправного гаранта мирового капитализма; в сущности, Соединенные Штаты выступают против прошлой и будущей истории»²².

Причина такого положения, что не устают подчеркивать В. Вильямс и его последователи, заключается в приверженности США доктрине «открытых дверей». «Ревизионисты» не щадят усилий, осуждая эту доктрину, при этом не столько за выдвинутые в ней цели, сколько за то, что выраженные в ней принципы не соответствуют реальному соотношению сил в современном мире и основным тенденциям его развития. В этом отношении взгляды Вильямса в сумме своей обнаруживают большую последовательность, фактически это его основной тезис. Показывая в действии экспансионистскую доктрину «открытых дверей», с его точки зрения, основного и неизменного принципа внешней политики американского империализма начиная с конца XIX в., Вильямс утверждает, что в определенные исторические моменты США были правы, применяя этот принцип. По его мнению, политика «открытых дверей» «блестяще действовала на протяжении полувека», дав США «возможность основать новую и влиятельную империю»; она «была на самом деле блестящим стратегическим ходом, который привел к постепенному расширению экономической и политической власти Америки во все мире»²³.

Вильямс весьма одобрительно относится к тем случаям, когда эта доктрина применялась к более слабым в экономическом отношении странам. Так вопреки очевидным фактам во втором, дополненном издании «Трагедии американской дипломатии» он пытается доказать, что Куба, будучи американским протекторатом, обладала якобы широкими возможностями экономического роста и совершенствования политической системы. «Американские руководители,— пишет автор,— не были людьми злыми». На острове отсутствовали случаи «безжалостной и хищнической эксплуатации». Кубинский народ «наслаждался постепенным... экономическим прогрессом. Улучшалось благосостояние не только определенного числа кубинцев, но и целых общественных слоев... В отдельных случаях небольшие группы кубинского населения принимали важное участие в работе представительного правительства. И, возможно, наибо-

²⁰ R. Tucker. The Radical Left and American Foreign Policy. Washington. 1971, pp. 32—36.

²¹ W. La Feber. America, Russia and the Cold War, 1945—1966. N. Y. 1968.

²² G. Kolko. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. N. Y. 1968, pp. 624—625.

²³ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М. 1960, стр. 37, 201.

лее важным является то обстоятельство, что кубинцев поощряли определять собственное будущее в рамках демократии и процветания...»²⁴.

Однако в главном — в отношениях с Советским Союзом — попытка следовать догматам «открытых дверей» не только дала осечку, но и оказалась просто опасной. Вильямс предпринял экскурс в историю США для того, чтобы установить причины провалов американской дипломатии в последние годы, чтобы понять, что привело к падению престижа США в мире, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Одновременно он стремится определить, что нужно сделать, чтобы США использовали свою мощь с наибольшей пользой и наиболее эффективно в сложной современной обстановке. Действительная причина требования автора отказаться от доктрины «открытых дверей» заключается в том, что империалистический характер этой доктрины стал ныне совершенно очевиден для народов мира. Объяснение, которое предлагает сам Вильямс, примечательно тем, что свидетельствует о понимании им противоречий в империалистическом мире, осложняющих борьбу США за мировое господство. Если доктрина «открытых дверей» «в конечном счете потерпела неудачу, — пишет автор, — то это не потому, что она была неразумна или слаба, но именно потому, что она была так успешна. Империя, построенная в соответствии со стратегией и тактикой нот, провозглашавших политику «открытых дверей», породила антагонизмы, создаваемые всеми империями, и именно это сопротивление поставило столько трудностей перед американской дипломатией XX века»²⁵.

Вильямс, безусловно, принадлежит к числу наиболее трезво мыслящих историков Запада, понимающих бессмысленность обанкротившейся и ставшей просто опасной в современных условиях политики «с позиции силы». Под влиянием успехов Советского Союза, роста мощи социалистического содружества, укрепления сплоченности всех миролюбивых сил, сознавая прямую угрозу для капиталистической системы в случае военной конфронтации империалистического лагеря со странами социализма, Вильямс делает вывод: «Не пора ли прекратить разговоры о том, что все зло в мире исходит от Советского Союза и других коммунистических стран?». И предлагает «перейти к переговорам относительно установления контроля над вооружениями»²⁶.

Подобные суждения, несомненно, отражают политический реализм автора, сознающего изменения, происшедшие в соотношении сил между социализмом и капитализмом. На запуск первого советского спутника Вильямс откликнулся статьей, иронически озаглавленной «Американское столетие: 1941—1957 гг.», в которой одним из первых в США сделал вывод: «Тезис о том, что США в силах заставить СССР капитулировать на американских условиях, представляет собой слабое место в представлениях Америки о себе и мире»²⁷. Концепция Вильямса стала аксиомой для «ревизионистов». Д. Горовиц, которого можно с известными оговорками отнести к этому направлению, заметил, сославшись на Вильямса: нежелание американских руководителей «в начале холодной войны вступить в переговоры (с СССР. — О.С.) может означать только, что они надеялись достичь своих целей без переговоров»²⁸. Или, как писал американский публицист К. Солвей, излагая аргументацию Вильямса по этому вопросу: «Холодная война была силовой реакцией государства монополий на существование действительно альтернативной социальной системы. Правда заключается в том, что требование Сталина иметь границы, обеспечивающие безопасность Советского Союза, были разум-

²⁴ W. A. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. 1962, p. 2.

²⁵ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии, стр. 37.

²⁶ W. A. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. 1962, p. 305.

²⁷ W. Williams. The American Century: 1941—1957. «The Nation», 2.XI.1957, p. 301.

²⁸ D. Horowitz. The Free World Colossus. N. Y. 1965, p. 257.

ны и о них можно было вести переговоры. Американское стремление вести переговоры с позиции силы просто скрывало глубокое нежелание вести их на иных условиях, кроме американских. Советский Союз в действительности никогда не угрожал Соединенным Штатам, толчок в гонке атомных вооружений дала американская политика»²⁹.

Кто же в США виноват в прискорбном для мира развитии событий? Общее мнение многочисленных рецензентов работ Вильямса лучше всего выразила «The New York Times»: «Если свести детали аргументации Вильямса к главному, то его тезис выглядит примерно так: аграрное большинство создало «рыночное» представление о мире, при котором между свободой и открытым «свободным» рынком ставился знак равенства и возникала необходимость постоянно расширять рынки, дабы сохранить как личную, так и экономическую свободу; аграрии научили лидеров «городов» (промышленников, банкиров, политическую элиту) экспансионистским воззрениям, которые последние приспособили к собственным потребностям «имперского распространения свободного американского рынка...». Нам некого винить, кроме самих себя, за то положение, в котором мы оказались»³⁰.

Почему США оказались в таком положении, детально объяснил Г. Колко. В отличие от В. Вильямса Г. Колко адресуется к широкой аудитории. Основная проблема его исследований — современный внешнеполитический курс США и его истоки³¹. Подвергая пересмотру политику США, Г. Колко, как и другие «ревизионисты», озабочен тем, чтобы предупредить возможность повторения просчетов. Среди историков разбираемой школы, вообще отличающихся резкостью суждений, Колко выделяется особо сильной критикой американской внешней политики. По своим убеждениям он принадлежит к экономическим детерминистам, отсюда его постоянное внимание к соотношению внутренней и внешней политики, причем последней он отводит подчиненную роль. «Наиболее существенным (для понимания американской социальной системы.— О. С.), — подчеркивает Г. Колко, — является положение, что это капиталистическое общество, базирующееся на резком неравенстве в распределении богатств и доходов; и оно не претерпело в этом серьезных изменений»³². Интересы американского бизнеса, указывает Г. Колко, — «краеугольный камень» внутренней и внешней политики государства, а реформы и законодательство всегда отвечают классовым целям и удовлетворению классовых нужд. Вот почему не существует сколько-нибудь значительной разницы в целях современных творцов американской политики и их предшественников³³. Подчеркивая классовый характер американского общества, Г. Колко понимает, что политика крупного американского бизнеса не соответствует интересам большинства народа. Он признает серьезное неравенство в распределении доходов между капиталистами и большинством американских трудящихся, лишенных собственности, наличие в стране нищеты и безработицы. На вопрос, почему до сих пор в США еще не возникло никакого «массового антикапиталистического движения», Г. Колко, искажая подлинную историю классовой борьбы в стране, отвечает, что оно не возникло потому, что «Соединенные Штаты являются классовым обществом лишь с самым незначительным притеснением (личности.— О. С.)...»³⁴. В этом отношении Колко далеко не оригинален, поскольку он лишь повторяет то, о чем обычно пишут апологеты теории «бесконфликтности», столь характерной для американской буржуазной историографии.

²⁹ C. Solwey. Turning History Upside Down. «Saturday Review», 20.VI.1970, p. 63.

³⁰ «The New York Times Book Review», 22.II.1970, p. 14.

³¹ См. G. Kolko. The Roots of American Foreign Policy. Boston. 1969, p. XI.

³² Ibid., p. 9.

³³ Ibid., pp. 9—10.

³⁴ Ibid., p. 10.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что взгляды Г. Колко вполне вписываются в рамки традиционных воззрений американской буржуазии. С этой точки зрения проясняется подоплека его критического отношения к нынешнему внешнеполитическому курсу США. Обращаясь к политической истории страны, Г. Колко, настойчиво проводит мысль, что принцип «открытых дверей» является первостепенным для понимания истории американской внешней политики. Проведение его в жизнь, отмечает он, фактически ставит государство в положение «регулятора» экономических отношений американского капитала с остальным миром. Тесные связи американского империализма с мировой экономикой, в особенности с экономикой «третьего мира», дают, по его словам, ключ к пониманию политики США в сегодняшнем мире³⁵.

Г. Колко был одним из первых исследователей, обратившим внимание на два принципа, определяющих американскую политику в Азии: стремление обеспечить возможность капиталовложений и ведения торговли в выгодных для США районах на приемлемых для них условиях и, как следствие этого, необходимость борьбы с национально-освободительным движением, препятствующим расширению влияния США в этих районах³⁶. Говоря о причинах агрессии против народов Индокитая, Г. Колко пишет: «В конечном итоге Соединенные Штаты воевали во Вьетнаме со все возрастающей жесточностью для того, чтобы распространить свою гегемонию на весь мир и пресечь любую форму революционного движения, которое отказывается признать главенство США в ведении дел в своей стране или в данном регионе»³⁷. Он подчеркивал, что решение подобных задач в условиях современного мира просто не под силу США. С ним согласились критики внешней политики США, принадлежащие к интеллектуальной элите, обслуживающей потребности правящего класса. Однако они резко разошлись с ним в оценке пригодности экономического детерминизма как универсального средства для объяснения мотивов политики Вашингтона. По мнению Г. Моргентау, экономический детерминизм «привел критика американской системы (Колко.— О. С.) к согласию с наиболее верными ее защитниками». Моргентау в данном случае имел в виду, что Г. Колко со своих позиций «доказал неизбежность» агрессии США против Вьетнама. Вообще, рассудил Моргентау, «сведение внешней политики к простой функции экономической мощи очень уязвимо для критики с философских и исторических позиций...». Далее он с позиции статической модели «баланса сил» как основы международных отношений пытается доказать, что в межгосударственных отношениях господствуют не экономические, а политические интересы³⁸.

Г. Колко, вероятно, мог отнестись к этим упрекам с легким сердцем, ибо в то время, как Моргентау рассуждал о его книге «Корни американской внешней политики», американские историки все еще осмысливали вышедшую годом раньше его же монографию «Политика войны. Мир и внешняя политика США 1943—1945 гг.». Если в первой из упомянутых работ концепция Г. Колко излагалась в сжатом виде, то во второй она раскрывалась на фактах и примерах из истории чрезвычайно важного периода международных отношений. В рецензии Г. Смита в «The New York Times» эта работа оценивалась как «самое важное и плодотворное обсуждение проблем американской внешней политики во время второй мировой войны, которое появилось за последние десять лет. Его нельзя игнорировать»³⁹.

³⁵ Ibid., p. XIV.

³⁶ См. «America's Asia: Dissenting Essays on Asian-American Relations». Ed. by E. Friedman and M. Selden. N. Y. 1971, p. 259.

³⁷ G. Kolko. The Roots of American Foreign Policy, p. 132.

³⁸ «The New York Times Book Review», 29.VI.1969, p. 10.

³⁹ «The New York Times Book Review», 13.IV.1969, p. 6.

Верный методу экономического детерминизма, Г. Колко стремился доказать, что США преследовали в войне вполне осязаемые цели, и одновременно высмеивал известные утверждения о разрыве, якобы существовавшем между военными и политическими целями США в войне. Вместе с тем он подчеркивал, что американское правительство всеми средствами старалось подавить все без исключения левые движения. Говоря о причинах, которые побудили его обратиться к данной теме, Г. Колко прямо указывал: «Все мы живем под знаком последствий второй мировой войны, и новая переоценка их значения жизненно важна для понимания того постоянного кризиса, в котором находится внешняя политика США вот уже двадцать пять лет»⁴⁰. Этот кризис Г. Колко объясняет громадным разрывом между надеждами правящих кругов и реальными итогами войны. США не добились мирового господства, это оказалось не в их власти. Г. Колко детально проследил, как США пытались добиться своих главных экономических целей во второй мировой войне — полной мировой гегемонии в финансово-экономической сфере. «Взгляд Вашингтона на окончательные цели мира с самого начала войны отражал прочно установленные американские принципы внешней политики, унаследованные почти целиком из мировоззрения Вудро Вильсона» и сводившиеся в общем и целом все к той же доктрине «открытых дверей». Это был, писал Г. Колко, «классический национальный эгоизм в оболочке плохо гармонизировавшей с ним интернационалистской риторики. Разве могли союзники США расценивать это иначе, как новый империализм?»⁴¹.

В книге содержится значительное количество реалистических суждений, ее отличает, помимо прочего, трезвый подход к вкладу основных участников антигитлеровской коалиции в разгром противника. Г. Колко безоговорочно признает решающую роль Советского Союза в ходе и исходе войны. По вопросу о помощи по ленд-лизу, которая, как правило, необычайно раздувается в официальной американской историографии, он замечает: «Военные успехи СССР, безусловно, основывались прежде всего на усилиях и жертвах самих русских, а не на внешней помощи, которую Соединенные Штаты предоставляли им». Затяжка с открытием второго фронта, как неоднократно подчеркивается в книге, имела в виду ослабить Советский Союз. Все это, конечно, было очевидно современникам: «Русским представлялось, что Запад занимался политикой, в то время как Россия занималась войной. Не говоря уже о том, что пришлось пересмотреть вопрос о коалиции после стольких нарушений обязательств, взятых по поводу открытия второго фронта, русские, несомненно, осознали, что англо-американские оттяжки — независимо от того, были ли они намеренными или нет, — ослабляли их в материальном отношении, и это должно было сказаться на их взаимоотношениях с Западом в конце войны. Для СССР было очевидно и то, что экономное отношение Англии и США к расходованию своих сил в войне, в свою очередь, ослабляет его (Советского Союза.— О. С.) обязательства в отношении союзников»⁴². Жертвы, понесенные Советским Союзом и западными союзниками в борьбе с врагом, были непоправимы. «В конечном итоге 20 млн. русских погибли в ходе второй мировой войны, из них 7 млн. солдат. Американцы же потеряли 405 тыс., а англичане — 375 тыс. солдат. Уровень жизни в США после мрачного десятилетия кризиса достиг невиданной высоты... Если бы США и Англия хотели по справедливости подойти к послевоенному сотрудничеству с Россией, Запад мог компенсировать это неравенство в жертвах, только действуя осмотрительно в других и прежде всего политических вопросах»⁴³.

⁴⁰ G. Kolko. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy 1943—1945, p. 9.

⁴¹ Ibid., pp. 241, 254.

⁴² Ibid., pp. 19, 30.

⁴³ Ibid., pp. 19—20.

Ничего этого Вашингтон не намеревался делать. Напротив, американские лидеры, совершенно не считаясь с политической реальностью, хотели осуществить свои цели в полном объеме, а именно достичь полного и безраздельного господства в мире. Это делало неизбежным переход к «холодной войне», ибо народы мира отнюдь не для того вели кровопролитную войну, чтобы склониться перед новыми претендентами на мировое господство. Г. Колко показывает, что рост демократических сил в послевоенном мире был закономерным итогом войны, однако Вашингтон расценивал это явление как зловещий заговор против США. Борьба с силами демократии придавала особую остроту агрессивному внешнеполитическому курсу США. Говоря о возможностях и резервах империалистической реакции, автор подчеркивает: «Только Соединенные Штаты располагали достаточной мощью для проведения глобальной контрреволюции и поддержки сил консерватизма; военное вмешательство, осуществляемое практически во всех районах мира, стало основой послевоенной внешней политики». В этих условиях конфликт с Советским Союзом становился неизбежным, поскольку «политические руководители США усматривали в России и левом движении причину, а отнюдь не следствие краха капитализма; они считали их ответственными за крушение этой системы в громадных районах земного шара еще до 1914 года». Этот образ действий США был обречен на неизбежный провал, поскольку такая роль оказалась им не по плечу. «Ни одна страна не в состоянии этого сделать», — заключает свою книгу Г. Колко. «США пытались использовать свою мощь и в то же время не желали учитывать предел американских возможностей... в мире, который не мог быть поставлен под контроль — одной страной или союзом»⁴⁴.

Каковы бы ни были взгляды Г. Колко по второстепенным вопросам, он ясно показал, что ответственность за «холодную войну» лежит исключительно на США. Этот вывод вызвал неистовую ярость официальной критики, которая взяла под обстрел именно этот, главный тезис книги. Рецензент из Института оборонного анализа Л. Вайнштейн нашел, что «это самая неприлично пристрастная книга», которую ему когда-либо пришлось читать. «Односторонним подбором материала, — писал он, — ложными толкованиями он стремится доказать простой тезис, что США целиком и полностью ответственны за разрушение коалиции с Россией и за последующую «холодную войну». Однако Вайнштейн ничего не сумел противопоставить аргументам Г. Колко, ограничившись бранью и эмоциями»⁴⁵.

То, что суждения Г. Колко опираются на исторические факты, вынужден был, хотя и сквозь зубы, признать постоянный критик «ревизионистов» Г. Моргентау, заметивший: «Перед нами книга большой значимости, первый трактат ревизионистов, посвященный генезису холодной войны, и в то же время первоклассное академическое исследование. Как таковое оно знаменует собой поворотный пункт в историографии войны и послевоенного периода». Единственное, что поставил Моргентау в упрек автору, это преувеличение последовательности американской внешней политики. «Автор игнорирует громадное и часто решающее значение для внешней политики США невежества, рассеянности и наивных расчетов на благоприятные последствия доброй воли. В то же время он чрезмерно подчеркивает и неверно представляет в виде сознательной, ясной и последовательной внешнюю политику, которая, в сущности, была продиктована консервативными настроениями, страхом перед радикальными социальными изменениями, особенно в форме коммунизма»⁴⁶.

В 1972 г. увидело свет новое исследование Г. Колко, написанное им в соавторстве с женой. Оно было посвящено анализу американской

⁴⁴ Ibid., pp. 622, 624.

⁴⁵ «World Affairs», 1969, June, pp. 81—82.

⁴⁶ H. Morgenthau. Truth and Power. N. Y. 1970, pp. 71, 75.

внешней политики за первое послевоенное десятилетие. В книге развиваются и уточняются концепции, сформулированные в предшествующих трудах «ревизионистов». Исходный пункт монографии — тезис о том, что плодотворное рассмотрение внешней политики США возможно только в системе глобальных международных отношений, частью которых являются американско-советские отношения. Такой ракурс, выходящий за жесткие рамки событий только «холодной войны», отражает общий переход современной американской историографии от концепции биполярности к изучению многополярного мира. Отсюда неожиданная на первый взгляд мысль (она является главной в этой объемистой книге): «Поскольку основной причиной международного кризиса была связь экспансионистской американской внешней политики с революцией и национальной автономией как капиталистической, так и социалистической, политика русских вне пределов Европы фактически не могла удовлетворить США. Короче говоря, Советский Союз не мог обеспечить стабильности, которую США пытались внести в постоянный мировой кризис (СССР сам был проявлением, но не причиной его). Больше того, даже если бы Советского Союза не существовало, условия в третьем мире после 1945 г. и американская реакция на них едва ли были иными, ибо истоки тех целей, которые ставил Вашингтон, восходят не только к периоду, предшествовавшему второй мировой войне, но и к 1917 году».

Смысл этого утверждения становится особенно ясным, если учесть оценки, которые даются в книге внешней политике США на современном этапе: «Конечная цель США в конце второй мировой войны заключалась в сохранении и реформировании международного капитализма. Трудность одновременного достижения этих двух целей не дала в итоге США возможности решить их удовлетворительно для себя. Вашингтон стремился ликвидировать не только последствия второй мировой войны для международной политики, но и последствия кризиса 1929—1933 гг. и даже первой мировой войны, короче говоря, повернуть вспять большинство результатов XX столетия... Цель была колоссальной и всегда недостижимой»⁴⁷. Под этим углом зрения в монографии разбирается конкретная деятельность американской дипломатии на разных этапах, в том числе в 1945—1947 гг., от принятия «доктрины Трумэна» до начала войны в Корее, а также во время этой войны. События, относящиеся к этому последнему этапу, показали «границы американской мощи», а точнее, невозможность в современном мире решать спорные вопросы силой.

Такая постановка вопроса, бесспорно, углубляет понимание движущих пружинок американской внешней политики. Не менее важна и политическая значимость книги, в которой очень подробно на большом количестве конкретных фактов доказывается, что миф об «угрозе коммунизма» был сознательно пущен правящими кругами США в ход для оправдания собственного агрессивного курса и гонки вооружений, а также для того, чтобы снять с США ответственность за возникновение «холодной войны». «Администрация, — пишут авторы, — многократно использовала «угрозу» коммунизма, чтобы замаскировать послевоенную американскую экспансию в Европе и во всем мире». Антисоветская риторика неизменно сопутствовала всем империалистическим акциям Вашингтона. Попытки СССР нормализовать отношения с США и добиться разрядки международной напряженности наталкивались на отказ: «Любое советское предложение вести переговоры после 1946 г. для Вашингтона являлось скорей угрозой, чем благоприятной возможностью, ибо оно ослабляло искусственно нагнетаемое состояние национального кризиса, а последнее было гораздо важнее в действиях правительства по отношению к конг-

⁴⁷ J. and G. Kolko. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy 1945—1954. N. Y. 1972, pp. 11, 714.

прессу и американскому народу, чем сдерживание большевизма. Это постоянное раздувание опасности было для Вашингтона единственным надежным средством в его внешней политике, и это уже само по себе исключало сближение с Москвой»⁴⁸.

Эти рассуждения, которые еще совсем недавно неизбежно были бы осуждены в США как опасная ересь и даже были бы объявлены «антиамериканскими», ныне воспринимаются там совсем по-иному. В самом деле, уже упоминавшийся выше Г. Смит, нашедший «односторонней» предшествующую работу Г. Колко «Политика войны. Мир и внешняя политика США 1943—1945 гг.»⁴⁹, пишет о книге «Пределы власти»: «Американские лидеры (в послевоенный период.— О. С.) единодушно... считали, что только создавая психологический климат войны с Россией, Соединенные Штаты смогут преуспеть и запугать большую часть мира, низведя его до полуколониального подчинения США. Без такого подчинения мира невозможно поддерживать уровень занятости и прибылей, необходимых для выживания американского капитализма... Супруги Колко правы, указывая, что послевоенная американская политика была бы такой же, даже если бы не существовало России. Была бы изобретена замена России... Объяснения Колко сводятся к тому, что американская внешняя политика подобна силе природы, неизбежно стремящейся при всех обстоятельствах к экономическому господству над миром. При нынешней структуре американского общества иной путь невозможен»⁵⁰.

Влияние «ревизионистского» направления в американской исторической науке и политической публицистике, безусловно, возрастает. Оно отражает определенные сдвиги в политическом климате США. В статье С. Вишневого «С позиций реализма», опубликованной в «Правде», отмечалось: «Что сказать о... людях вчерашнего дня, окопавшихся в траншеях «холодной войны» и не желающих взглянуть на изменившийся окружающий мир? Знаменательно, что на сей раз они встречают должный отпор даже на страницах многих органов большой прессы США. Так, «Вашингтон пост» предостерегает о том, насколько пагубно оказаться во власти дискредитированных идей «холодной войны» и идти «вразрез со здравым смыслом»⁵¹.

Историки-«ревизионисты» не расходятся с указанными органами американской печати. Более того, некоторые их суждения стали уже общим местом при оценке внешнеполитического курса Вашингтона. Нет сомнения, что пафос «ревизионизма» основательно подмыл некоторые традиционные идейные устои американской внешней политики. Только какие? Закономерно ли утверждение, что в стране высокоорганизованного капитализма, какой являются США, возможно появление и видимое процветание доктрины, конкурирующей с официальной? Такое допущение было бы неправомерным, оно свидетельствовало бы о недостаточном знакомстве с работой государственного механизма США. В идейной области «ревизионисты» всего-навсего отразили новейшие тенденции подхода Вашингтона к международным проблемам, его переход от позиций «биполярности» к системе «баланса сил». Они, подобно санитарам природы, довершают уборку мусора старых концепций, выброшенных за непригодностью для практической политики с палубы американского государственного корабля. С точки зрения нынешних официальных кругов США, их критика выполняется, безусловно, полезную функцию: только в атмосфере, очищенной от миазмов старых доктрин, возможно проведение различных комбинаций в плане «баланса сил». В большой исследовательской статье о «ревизионистах» в журнале «World Politics» подчеркивается

⁴⁸ Ibid., pp. 650, 715.

⁴⁹ «The New York Times Book Review», 13.IV.1969, p. 7.

⁵⁰ «The New York Times Book Review», 27.II.1972, p. 31.

⁵¹ «Правда», 19. V. 1972.

именно эта сторона дела: «Типичные ревизионистские интерпретации начала послевоенного периода в Европе клонятся к тому, что потрясение в европейской политике полностью объяснялось несвоевременностью американских действий. Такой взгляд — результат узкобиполярного подхода к этому периоду». Мягкие упреки, которые содержатся в статье в адрес этого направления, в сущности, идут в том же плане: «ревизионисты» рассуждают только о биполярном мире. Но они, заверяет журнал, вполне благонадежны, «ревизионистами» предлагается считать «тех историков, которые заменяют традиционное западное представление о холодной войне не другой моделью, а другим вариантом того же общего типа»⁵².

Конечно, «ревизионисты» находятся и будут находиться под обстрелом тех, кто цепляется за прежние взгляды. Без полемики или выражения согласия с ними теперь, пожалуй, не выйдет ни одна книга по проблемам американской внешней политики. Известный своими реакционными убеждениями профессор русского исследовательского центра Гарвардского университета А. Улам, например, в книге об американско-советских отношениях указывает: «Ревизионисты в исторической науке — всего-навсего проявление интеллектуального мазохизма, которым сопровождалось обсуждение многих проблем в американском обществе»⁵³. «Ревизионистов» признают за то, что они обосновывают возможность иного политического курса для США и, трактуя об упущенных возможностях, развеивают риторику «холодной войны». Г. Смит, рецензировавший, и в общем благожелательно, труды Г. Колко для «The New York Times Book Review», недавно сам попал на страницы этого журнала, но уже в качестве рецензируемого. В серии книг об американских государственных секретарях он выпустил в 1972 г. исследование о Д. Ачесоне. Д. Клеменс, автор работы о Ялтинской конференции, сразу же отметила, что Смит не до конца следует концепциям «ревизионистов». «Хотя материал, — пишет она, — по-видимому, потряс даже Смита, он в своих выводах отступает от собственного материала и высказывает суждения, находящиеся в очевидном противоречии с его анализом. Вместо того чтобы разобраться, Смит нападает поочередно на всех противников Ачесона. Д. Кеннан, который дважды противопоставляется Ачесону как человек, предлагавший альтернативы «холодной войне», в конечном итоге сбрасывается со счетов, поскольку Смит подтверждает правильность политики Ачесона. Смит стремится оправдать Ачесона, которого Ричард Никсон назвал «деканом колледжа сдерживания коммунизма»⁵⁴.

Самое примечательное состоит в том, что «ревизионисты» пытаются задним числом исключить Д. Кеннана из числа наиболее прилежных учеников бесславного «колледжа». В рецензии на второй том мемуаров Д. Кеннана, вышедший осенью 1972 г., всерьез утверждает, что в начале 50-х годов он выступал против официальной политики Вашингтона. При этом делается ссылка на мемуары Д. Кеннана, где помещен его соответствующий меморандум. В рецензии сказано: «Вот вам ирония судьбы. Кеннан, человек, принадлежащий к официальным кругам, яростный антикоммунист, написал меморандум, спустя двадцать лет укрепивший дело историков-ревизионистов, с которыми у него так мало общего... Но только подумайте: у Кеннана больше общего с ревизионистами, чем они или он могут считать возможным»⁵⁵.

Все это наводит на размышления о том, что пропасть, на первый взгляд разделяющая «ревизионистов» и официальный Вашингтон, при ближайшем рассмотрении оказывается не такой уж широкой; во всяком

⁵² L. Richardson. Cold-War revisionism. A Critique. «World Politics», 1972, July, pp. 580, 605.

⁵³ A. Ulam. The Rivals, America and Russia since World War II. N. Y. 1971, p. 94.

⁵⁴ «The New York Times Book Review», 10.IX.1972, p. 24.

⁵⁵ «Book World», 17.IX.1972, p. 9.

случае, за последнее время она заметно сузилась. Проф. Р. Такер в 1972 г. писал: «Влияние ревизионизма в значительной степени определяется событиями. Ревизионизм межвоенного периода, настаивавший на изоляционизме, пошел на убыль, когда развитие международных событий стало заметно угрожать американским интересам... Ревизионизм 30-х годов не прошел проверку событиями и потерпел крах. В грядущее десятилетие события могут уготовить такую же судьбу для радикальной критики, которая настаивает, хотя и по совершенно иным мотивам, на изоляции капиталистической Америки. Бесплезно гадать, во что именно выльются эти события, однако достаточно очевидно, что они должны предстать как прямая угроза американской безопасности со стороны другой великой державы. Ничто иное, по-видимому, не сможет поколебать скептицизм поколения, не испытавшего состояния отсутствия безопасности. Если, однако, такого вызова не будет, можно ожидать, что влияние радикальной критики будет продолжаться»⁵⁶.

Но «ревизионизм» 30-х годов, идейно обосновывавший «изоляционизм», был частью официальной политики. США стремились тогда играть роль державы-посредника в системе международного «баланса сил», которая стала излишней с началом второй мировой войны. Что касается современного «ревизионизма», то это — идейное обоснование новейшего курса Вашингтона в области внешней политики. Историческими аргументами «ревизионисты» подкрепляют то, что показала политическая практика: глобальная стратегия опасна для США при нынешней расстановке сил в современном мире. После мучительной переоценки ценностей, бесконечных провалов на международной арене США открыто вернулись к традиционной политике «баланса сил», которая, конечно, проводится на иной основе, ибо научно-техническая революция вносит серьезные коррективы в межгосударственные отношения и заставляет по-новому оценить содержание фактора «силы», понятия «национальная мощь» и прочих атрибутов, относящихся к теоретическому обоснованию внешнеполитического курса США. В целом «ревизионисты» показали, что США лишь одно из государств в мире, что, впрочем, было очевидно и до них.

Не касаясь оценки самой концепции «баланса сил» (что потребовало бы отдельного исследования), важно подчеркнуть, что «ревизионисты» рекомендуют своей стране в условиях нынешней «силовой конфигурации» покончить с мессианским подходом, жить по средствам, отказаться от беспредельных международных притязаний США, которые были причиной международной напряженности. В этом смысле подход «ревизионистов» к оценке исторических событий способствует оздоровлению международных отношений.

⁵⁶ R. Tucker. Op. cit., pp. 155—156.